

Время и мы

[Рецензия на текст Игоря Шесткова «Обо мне и немного о погоде», опубликованный в журнале МОСТЫ, номер 29, Франкфурт-на-Майне, 2011]

Берта Фраш

Время и мы Игоря Шесткова

Затянувшийся ответ

Рассуждения Игоря Шесткова о себе происходят на фоне «погоды». Эти замечательные тексты без преувеличения можно назвать философией. Причём прикладной философией морали. А потому они о нас. Особенно о тех из нас, кто уехал, покинул сознательно страну, где родился. Приехал с душой, в которой мозаика времени и географии уплотнена гематомами. Приехал не с надеждой на западную хирургию. А с уверенностью самим стать хирургом своей судьбы.

Игорь Шестков стал писателем. Его скептическое ироническое мудрое наблюдение жизни «там и здесь» не оставляет иллюзий. Иллюзии приводят к краху. Разочарование в любой идеологии болезненно не только для индивидуума. Это может приводить к потрясениям в обществе. У Игоря Шесткова это пройденный этап. В этом он успешно убеждает читателя. И себя. Но удалось ли ?

Его замечательные эссе об искусстве и «черные сюжеты, преувеличение и гротеск» «совковых» рассказов не перестают удивлять. Эстет, сдирающий с объектов (картин и людей) слои краски и времени, растворяющий даже скелет в кислоте настоящего, Игорь Шестков предоставляет возможность увидеть эти объекты по-новому. Субъективно? Конечно, но как интересно! Восприятие неизбежно субъективно.

Игорь Шестков отнюдь не «биологическая машина с набором простых программ для получения удовольствия», которая наслаждается «водой, воздухом, тишиной, едой и любовью». Список его наслаждений, который разбросан по всей его статье «*Обо мне и немного о погоде*» (Мосты № 29) выходит далеко за рамки биологических.

Можно согласиться, что «мистические пространства и мистерии» - для тех, у кого недостаточно своего воображения. Тишина Игоря Шесткова оглушает игрой Рихтера, звуками Шопена, западно-европейским искусством. Из её саркофага выползают совковые работяги, оставляя кровавые следы.

В «каменном гробу» его реальности нет пустого пространства. Густая проза его настоящего проникает во все «красные углы» прошлого.

Беспощадность уходящего времени – это философия момента, которому надо уметь честно смотреть в глаза. Ницше, Кант и Шопенгауэр удивили меня ещё в молодости. Например, по Канту, достойное поведение человека не зависит от чего-либо внешнего. Или: «В неправильной жизни не может быть жизни правильной» (Ницше, Адорно).

Но только в Германии я ощутила прикладную философию как прикладную физику. Как противоречие христианской морали западного общества, демократии и реальности. Со временем у эмигранта вырабатывается иммунитет к многослойности западного общества, к обратной стороне демократии, к многоэтажности культуры. В макулатуре прячутся жемчужины. Но главное, что они есть - в литературе, музыке, кино и театре. Шестков очень интересно пишет о живописи. На смену «глупому ящику» пришёл интернет. Золотая середина – одно из правил этики морали, позволяет человеку самому управлять потоком информации и зрелищ. Фильтровать, дозировать и выбирать. Не всё так безнадежно!

В трёхмерном пространстве западной жизни легко остаться в тени. 25 июля 1963 года Теодор Адорно (1903-1969) сказал на своей лекции: «...сама жизнь искажена, изуродована настолько, что ни один человек уже не способен

самостоятельно жить правильно, не в состоянии правильно реализовать свое собственное предназначение...». Вступить в дискуссию с философами всегда заманчиво. Но только бы не утонуть в демагогии. Игорь Шестков философствует о своей жизни для нас с вами. Но предполагаю, что это ему самому необходимо. Ему удалось распознать и реализовать своё предназначение. Можно предположить, что были жертвы. Игорь Шестков стал писателем. Хорошим писателем. Он считает, что его «тексты - вовсе не подарок читателю, а щелчки по носу».

«Будущее человечества ужасно», пишет Шестков. И отказ от «тел, ...атомных станций», по-моему, не спасение.

Время наносит удары многочисленными сомнениями. Манипулирование современной толпой удаётся не хуже, чем в средневековье. Инквизиция принимает другие формы, применяет другие средства.

Игорь Шестков ощущает песчинки времени, нанизывая их на литературное ожерелье. Его эссе об искусстве дарят читателям радость открытий. Его «рассказы – рассказы палача». Его «жизнь – отчаянье». Отчаянье пронизательного художника. Свободного художника жизни, ощущающего «торжество смерти» - реальности, в которую отправляются без вещей. А потому материальная бедность здесь - значения не имеет. До тех пор, пока можно посещать музеи, наслаждаться сырниками, облаками и музыкой. Аскетизм весьма относительный. Впрочем, именно здесь, на западе, теория относительности приобрела для меня реальные контуры. Неизменным осталось понятие плыть против течения. Неимоверно трудно.

Реализовать себя всегда и везде нелегко, если оставаться в мире со своей совестью и обстоятельствами. История эмиграции свидетельствует о больших возможностях. Критическое отношение к жизни – необходимость для мыслящего человека всегда и везде. Это не плод только эмиграции. Но это её лучшая сторона!

Конструктивное критическое отношение, не буксование в болтовне, как и преодоление власти обстоятельств – это удел немногих.

Игорь Шестков характеризует свою прозу как «рубленный стиль».

«Мягко пульсирующий текст» постоянно взрывается. И пусть его обнажённое сердце ещё очень долго бьётся!